

Присутствующие дружно затаили дыхание, переводя взгляд с Ши Юньчуаня на младенца у него на руках. И цвет волос, и разрез глаз — дитя явно унаследовало лучшие черты обоих «родителей». А если вспомнить, каким несносным и непредсказуемым обычно бывает Сатору Годзё, поверить можно было во что угодно — даже в такое чудо природы.

— Эй! Вы что, вот так просто поверили в этот бред?! — взвился Годзё, бурно негодуя из-за вопиющей черствости и предательства со стороны одноклассников.

Ю Хаибара, стоявший подле Кэнтто Нанами с самым невинным и глуповатым видом, уставился на малыша и восхищенно выдохнул:

— Надо же... Годзё-сэмпай невероятен! Даже с проклятым духом умудрился завести ребенка!

Не будь в голосе первокурсника столько искреннего, незамутненного благоговения, Сатору решил бы, что над ним издеваются самым изощренным образом.

Годзё только беззвучно зашевелил губами, не находя слов.

Юньчуань же, чья безмятежная улыбка на мгновение окоченела, поспешил уточнить:

— Я вообще-то не проклятый дух.

— Да почему вы мне не верите?! — взвыл Годзё, и лицо его исказила мученическая гримаса. — Я к этому патентованному лжецу и тем более к этому мелкому вообще никакого отношения не имею!

В ответ на эти яростные протесты Ши Юньчуань лишь мягко похлопал малыша по спине и ласково проворковал:

— Ну же, золотце, позови папочку.

Глаза маленького Тогэ Инумаки восторженно блеснули, но он всё еще слегка колебался, боясь собственной силы.

— Не бойся, — успокоил его Юньчуань, погладив по голове. — Пока я рядом, можешь говорить всё, что вздумается. Ничего не случится.

Для Юньчуаня любое проклятое онемение или откат от техники были пустяком — так, пыль с рукава стряхнуть.

Заручившись поддержкой, маленький Инумаки радостно протянул ручки в сторону Сатору и

звонко пролепетал:

— Папа!

Едва эхо затихло, новоявленный «сын» и его коварный «отец» расплылись в абсолютно одинаковых, невыразимо довольных улыбках.

Наблюдавшая за этим безобразием Система мысленно потянулась к воображаемому телефону, готовая вызвать санитаров: спасите, здесь как минимум двое безумных последователей Ахи, Зона Радости!

Сёко Иэири, смерив взглядом впавшего в ступор Годзё, затушила сигарету о край пепельницы и разочарованно вздохнула:

— М-да, Сатору... Не думала, что ты способен на такую низость.

Годзё застыл изваянием.

— Сугуру, да скажи ты им хоть слово! — взмолился он, с надеждой уставившись на своего единственного союзника, который прекрасно знал, откуда взялся этот подкинутый ребенок.

Но прищурившийся Гето лишь покачал головой и с деланой грустью вздохнул:

— Увы, друг мой, я и сам потрясен. Подумать только, у тебя уже такой взрослый сын, а я, твой лучший друг, ни сном ни духом... Сердце кровью обливается.

— Ох, бедные мы, несчастные! — тут же подыграл ему Юньчуань, деланно всхлипывая и утирая несуществующие слёзы свободным рукавом. — Мало того что соблазнил, так теперь еще и знать нас не хочет! Решил бросить сиротку на произвол судьбы!

От такой наглости Сатору едва не зашелся нервным смехом.

— Ну давай, расскажи сказочку! — ядовито процедил он, сверля Юньчуаня яростным взглядом. — Откуда, по-твоему, взялся этот малец? И вообще, вы, придурки, считать умеете?! Мне что, в десять лет его аист принес?

Он гневно ткнул пальцем в притихших первокурсников, а затем вновь навис над «молодой матерью»:

— Что, лжец несчастный, язык проглотил? — победно ухмыльнулся блондин. — Просвети-ка публику, каким это чудесным образом мужчина умудрился забеременеть и родить?

Ши Юньчуань ничуть не смутился. С величавым спокойствием он извлек из широкого рукава глубокую глиняную пиалу и протянул её притихшей толпе:

— Всего за тысячу иен с носа вы узнаете леденящую душу историю о том, как мы с дорогим Сатору обрели этот плод греховной любви.

Сёко, обожавшая подобные представления, первой без лишних слов опустила в чашу хрустящую купюру. Следом, радостно сияя, свою долю внес простодушный Хаибара, а за ним, посмеиваясь, пристроился и Гето. Лишь Кэнто Нанами, чья не по годам суровая зрелость так и сквозила в каждом движении, остался стоять на месте, демонстративно проигнорировав импровизированный сбор пожертвований.

— Хм, один зритель отказывается платить, — со вздохом констатировал Юньчуань, переводя хитрый взгляд с Нанами на стоявшего чуть поодаль директора Ягу, чье лицо уже наливалось багровым гневом. — Извините, господа, но без полной предоплаты шоу не начнется.

Раздраженно цыкнув, Сатору привычным жестом выудил из кармана бумажник, достал две банкноты по тысяче иен и с размаху швырнул их в пиалу:

— На, подавись! Безумно хочется послушать, какую чушь ты сейчас состряпаешь.

Договорить он не успел. В следующее мгновение воздух со свистом рассекли два увесистых кулака, и головы обоих спорщиков увенчались сокрушительными затрещинами от директора Яги.

— Ай! За что?! — взвыл Годзё, хватаясь за макушку.

— Ой-ёй-ёй! — Юньчуань тоже прижал ладонь к ушибленному месту, искренне недоумевая, с какой стати этот суровый громила распускает руки. Он же даже не его ученик!

Масамити Яга, возвышаясь над ними подобно грозовой туче, грозно зыркнул на возмутителей спокойствия:

— Клоунаду прекратить. Живо в мой кабинет — оба, и Гето с вами. Жду объяснений.

Развернувшись, директор зашагал прочь, не оставляя пространства для дискуссий. Помятым нарушителям порядка ничего не оставалось, кроме как покорно потащиться следом.

Юньчуань, плетясь позади долговязого блондина и усердно потирая шишку на лбу, недовольно бурчал:

— Ладно этот несносный... Но меня-то за какие грехи приложили?

Они вошли в просторный кабинет. Яга уже восседал за своим массивным столом с видом неподкупного судьи. Смерив вошедшую тройцу тяжелым взглядом, он глухо спросил:

— Ну? И что это сейчас было?

Юньчуань тут же выкатил грудь колесом и сделал шаг вперед:

— Господин директор, уверяю вас, я могу всё логически разъяснить...

В ту же секунду Сатору и Сугуру, словно повинувшись единому инстинкту выживания, синхронно среагировали на угрозу. Не дав гостю договорить ни слова, они слаженно и жестко зажали ему рот ладонями.

Оказавшись в тисках, несчастный бессмертный десятого уровня отчаянно забился и замычал, сиюсья вырваться, но совладать с физической мощью двух сильнейших магов особого ранга ему было явно не под силу.

— Сугуру, начини ты, — устало вздохнул Яга, обращаясь к единственному, по его мнению, благоразумному человеку в этой компании.

Гето спорить не стал. Спокойным, ровным тоном он изложил все факты касательно личности Ши Юньчуаня, его внезапного появления и причин, по которым они привели его с собой.

— Его проклятая энергия нестабильна и подчиняется странным, неизвестным нам законам, — подытожил Сугуру. — По этой причине совет старейшин счёл разумным временно поручить его охрану нам с Сатору.

Сам Гето не присутствовал при том, как Юньчуань расправлялся с проклятиями, но подробные доклады Хаибары и Нанами не оставляли сомнений: этот парень обладает поистине пугающей, сокрушительной мощью. А то, что его удалось доставить в застенки Главного управления магии, объяснялось исключительно его глубоким обмороком.

Существо столь опасное, неуязвимое и вместе с тем способное принести огромную пользу миру магов, действительно стоило держать на коротком поводке под надзором двух сильнейших шаманов.

— Хорошо, с этим ясно. А что насчет младенца? — Яга перевел строгий взгляд на Сатору.

Тот лишь досадливо поморщился:

— Да не мой это отпрыск! Это малец из клана Инумаки, унаследовавший их фамильную технику.

— Инумаки? — нахмурился директор. — Но разве они не оборвали все связи с магическим обществом много лет назад?

Этот древний род когда-то стоял на одной ступени с великими кланами Госанкэ, но придерживался совсем иных взглядов. Главы Инумаки сознательно пытались искоренить собственный проклятый дар, считая его проклятием, из-за чего клан постепенно растерял былое величие и пришел в полнейший упадок.

— Ну да, только у них снова родился ребенок с проклятой речью, — фыркнул Годзё. — Вот этот самый карапуз. И эти трусы не придумали ничего лучше, как всучить его мне. С какой стати — ума не приложу.

Ши Юньчуань, который за время этой недолгой беседы успел сопоставить факты и уяснить расстановку сил в здешнем магическом мире, наконец освободился от зажимавших его рук и веско произнес:

— Неужели это так трудно понять? Сердце матери и отца всегда бьется ради блага своего дитя. Клан угадает, а верхушка вашего мира магов давно прогнила до основания. Родители просто хотели уберечь единственного сына от участи безгласного пушечного мяса на чужой бойне. И какой путь вернее, чем отдать его под крыло сильнейшего шамана?

Сатору встретился взглядом с насмешливыми серо-фиолетовыми глазами Юньчуаня и лишь высокомерно хмыкнул. Пусть этот пришелец и был невыносимым лжецом, в одном ему нельзя было отказать — статус сильнейшего он признал абсолютно верно.

Яга же нахмурился еще сильнее:

— Колледж магии — не ясли для сирот. Мы не можем...

— Уважаемый директор Яга, — мягко перебил его Юньчуань, поднимаясь со стула и мгновенно растеряв всю свою шутовскую спесь. — Раз уж вы считаете меня столь опасной угрозой, лишний предохранитель вам точно не повредит. Наш юный друг владеет словом, которое способно обуздать мои силы. В его присутствии я куда более управляем.

Он сделал паузу, закрепив эффект:

— Я официально прошу позволить Тогэ Инумаки остаться со мной.

Масамити Яга подавился готовым сорваться отказом. Он долго и пристально всматривался в лицо бессмертного, взвешивая все за и против, после чего нехотя процедил:

— Напишешь официальное прошение на мое имя.

— Будет сделано! — с готовностью закивал тот, а сам мысленно прикинул, у кого бы стянуть готовый бланк для образца.

Таким причудливым образом Ши Юньчуань закрепился в стенах Токийского столичного магического колледжа. Его официально признали «нестабильным и требующим постоянного контроля объектом особого назначения» и выделили отдельную комнату в жилом корпусе.

— Будешь жить в комнате прямо между моей и спальней Сугуру. И даже не думай выкидывать свои фокусы, проныра, — Сатору с пренебрежительной ухмылкой водрузил на переносицу темные очки, разглядывая перебинтованную голову Юньчуаня.

— И как мне в таком случае посещать занятия? — любопытствовал тот.

Игровой интерфейс в его сознании тут же запестрил тревожными строчками:

[Зачем тебе эта глупая учеба? Без нее вполне можно обойтись!]

Юньчуань мысленно возмутился:

"Ты с ума сошел? Родина выбила для меня квоту на обучение за рубежом, а я, по-твоему, должен её бездарно профукать?!"

Он был твердо нацелен грызть гранит науки. И ходить на лекции каждый божий день, минута в минуту!

[Система:... Шесть баллов из пяти. У вас, китайцев, тяга к учебе вообще на генетическом уровне прописана?]

Тем не менее, перед глазами Юньчуаня вспыхнуло долгожданное уведомление:

[Активировано ежедневное поручение!]

[Название: «А не пора ли за учебники?»]

[Описание: Настоящий отличник не ищет оправданий. Даже с температурой под сорок и затуманенной от капельниц головой истинный сын Поднебесной предпочтет смерть прогулу лекции! Докажи преданность знаниям и выполни сегодняшнюю учебную норму.]

[Награда: Звездный нефрит x60]

Сатору впервые видел человека, который, оказавшись по уши втянутым в мир смертоносной

магии, продолжал сокрушаться о пропущенных лекциях в обычном университете.

— Исключено, — отрезал блондин. — Твое дело теперь — сидеть смирно и не отходить от нас ни на шаг.

— Я обязан учиться! — упрямо топнул ногой Юньчуань.

— Прощение отклонено, — ледяным тоном парировал Годзё.

Юньчуань лишь презрительно усмехнулся:

— Ой, да ладно! Сам-то небось и трех слов в бланке без ошибок не напишешь. Жаба душит, что я учусь в самом престижном Тодай, а ты прозябаешь в этой глухомани? Так и скажи: завидуешь!

— Я?! Завидую тебе?! — вспыхнул Сатору, у которого отродясь не было проблем с самооценкой.

— Ну так докажи! Слабо поступить в Токийский университет?

— Да раз плюнуть! Кто вообще кого боится?

— Так пойди и подай документы, трусишка!

— Да прямо сейчас и подам!

В системе координат Сатору Годзё не существовало слова «невозможно».

Ши Юньчуань заговорщически сощурился, наблюдая, как разозленный блондин уже вовсю раздает указания по телефону, заставляя старейшин своего влиятельного клана в экстренном порядке регистрировать его на вступительные экзамены. Дешевая провокация сработала без сучка и задоринки.

— Что же, мой будущий младший сокурсник, — ласково пропел Юньчуань, сияя от счастья. — С нетерпением жду наших совместных прогулок до аудитории.

Сатору медленно опустил очки на кончик носа. Его бездонные, ясные, как весеннее небо, глаза холодно сверкнули из-под белой челки:

— Слышь, пронира... С чего ты вообще взял, что у меня уйдет больше месяца на то, чтобы усвоить всю вашу четырехлетнюю программу?

В ту же секунду торжествующая улыбка на лице Юньчуаня медленно и безвозвратно дала трещину.

<http://bllate.org/book/20460/2108798>